

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

КРИТСКИЙ ПОЭТ СТЕФАН САХЛИКИС

Стихотворения Сахликиса сохранились в трех рукописях: парижской (P), неаполитанской (N) и в кодексе Монпелье (M). P издана Вагнером, учитывавшим также чтения M¹, второе стихотворение кодекса N издано С. Д. Пападимитриу². Кодексы расходятся между собой в порядке и чтении стихов, существует необходимость критического издания всего наследия Сахликиса с учетом всех трех рукописей. Такое издание было подготовлено Р. Кантареллой, но, насколько нам известно, не опубликовано³.

Приблизительная хронология творчества Сахликиса была установлена С. Д. Пападимитриу в исследовании, приложенном к изданию текста. Определяя *terminus a quo*, С. Д. Пападимитриу ссылается на стихи Сахликиса (I, 320—329)⁴, где рассказывается о том, как любовник является в дом корыстолюбивой гетеры, мать которой отвечает ему с гневом: „Как будто пришла печальная весть из Романии (ὡσαν μανδάτων θλιβερόν ἀπὸ τῆς Ῥωμανίας)“. С. Д. Пападимитриу не без оснований считает, что под *μανδάτων θλιβερόν* подразумевается весть о падении Константинополя. Определяя *terminus ad quem*, С. Д. Пападимитриу опирается на более шаткие основания. Сахликис, посвятивший целое произведение обличению азартной игры, нигде не упоминает игры в карты. Это, по мнению С. Д. Пападимитриу, свидетельствует, что Сахликису и его современникам карточная игра вообще была неизвестна. Первое же упоминание игры в карты мы находим в стихотворении Георгиаллы „Θανατικὸν τῆς Ῥόδου“, написанном вскоре после 1498 г. Таким образом, 1498 год С. Д. Пападимитриу считает *terminus ad quem*. Но, во-первых, Сахликис посвящает стихотворение специально игре в кости: он мог, конечно, обойти молчанием карточную игру, которая только начала распространяться в Европе. Во-вторых, Георгиалла — житель Родоса,

¹ G. Wagner. *Carmina graeca medii aevi*. Leipzig, 1874, p. 62—105.

² С. Д. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение „Ἀφήγησις παράξενος“ — „Летопись ист.-филол. об-ва при Новороссийском университете“, VI, Визант. отд., III, 1896, стр. 15—52.

³ R. Santarella. *Un poeta cretese del secolo XV: Stefano Sachlikis „Atene e Roma“*, vol. XXXVII, 1935. В статье Кантареллы приводится вся библиография до 1935 г. Сахликису посвящена также оставшаяся нам недоступной статья Г. Райхенкорна: G. Reichenkorn. *Stephanos Sachlikis, Autobiograph und Moralist*. — *Festgabe für F. Neubert*. Berlin, 1956.

⁴ Мы принимаем способ цитирования, предложенный Пападимитриу: под цифрой I цитируются стихи по изданию Вагнера (G. Wagner. *Op. cit.*, p. 62—78), под II — из второго стихотворения в том же издании (p. 79—105), под III — стихи из издания С. Д. Пападимитриу.

Сахликис — критянин, а время распространения игры в карты на двух островах могло быть различным. Малоубедительны также попытки С. Д. Пападимитриу более точно определить хронологию творчества Сахликиса. Приводя стихи поэта: *ὁποῦ λυπᾶται πολιτικὴν, ὁ Θεὸς νὰ τὸν χουράσῃ εἰς τὴν Τουρκίαν νὰ ἐξοριστῇ, εἰς Τουρκοὺς νὰ περάσῃ οὐχὶ νὰ πᾶ πραγματευτῆς πράγματα ν' ἀγοράσῃ, ἀμρὲ ἔς τὲς μαύρες φυλακὲς ἀπέσω νὰ γηράσῃ* (II, 425—428), С. Д. Пападимитриу отмечает, что эти строки могут принадлежать произведению, написанному в период, когда критяне имели возможность отправляться в Турцию в качестве купцов (*νὰ πᾶ πραγματευτῆς πράγματα ν' ἀγοράσῃ*). По мнению С. Д. Пападимитриу, такой возможности не было во время войны с турками 1463—1479 гг., и поэтому стихотворение, откуда заимствованы эти строки, датируется периодом до 1463 г.⁵ Однако, согласно дошедшему до нас свидетельству, бедные граждане отправлялись на иностранных судах в занятый турками Константинополь с торговыми целями даже во время войны⁶. Такие поездки, вероятно, были весьма распространены, ибо, как сообщается в документе, „это дело было полезно для всего острова“ (*que res erat utilis toti insule*). Нам представляется невозможным датировать творчество Сахликиса более точно, чем второй половиной XV и самым началом XVI в.⁷

Благодаря сохранившемуся в неаполитанском кодексе стихотворению „*Ἀφήγησις παράξενος*“ стали известны некоторые биографические сведения о поэте. Историю всей своей жизни Сахликис представляет как цепь сплошных неудач и разочарований. Сын состоятельных родителей, наследство которых он впоследствии продал⁸, Сахликис посещает школу. Однако усердно занимается он только до 14 лет и, по собственному признанию, не слишком преуспел в науке (*ὀλίγα γράμματα ἔμαθα*)⁹. Сахликис увлекается попойками, становится завсегдатаем борделей. Но и на этом поприще его ждет неудача: Сахликис встречается с некоей вдовой Кутайотиной, из-за которой он попадает в тюрьму¹⁰. После освобождения Сахликис отправляется в деревню, проводит время, увлекаясь охотой, а из его попыток заняться сельским хозяйством, по-видимому, ничего не вышло¹¹. Затем Сахликис переселяется в город, где становится адвокатом. На этом кончаются наши сведения о жизни поэта.

Сахликис пишет на чисто народном языке, без видимой примеси элементов искусственной книжной речи. У Сахликиса много слов и выражений, заимствованных из итальянского языка¹², что вполне естественно, так как Крит находился под властью и сильным влиянием Венеции. Фразы Сахликиса синтаксически просты. Паратаксис преобладает над гипотаксисом, как это свойственно народной речи.

Использование народного языка было новшеством в эпоху, когда даже так называемая народная литература писалась на языке, представляющем собой фантастическое смешение элементов народной и искусственной книжной речи. С. Д. Пападимитриу и Р. Кантарелла считают эту особенность стихотворений Сахликиса результатом необразованности

⁵ Датировать стихотворение периодом после 1479 г. Пападимитриу мешает установленный им *terminus ad quem*.

⁶ H. Noiret. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénétienne en Crète de 1380 à 1485. Paris, 1892, p. 522—523.

⁷ Рукописи произведений Сахликиса датируются первыми десятилетиями XVI в.

⁸ III, 85 сл.

⁹ III, 59.

¹⁰ III, 109.

¹¹ III, 151 сл.

¹² Например, „*Ἰνφερνο* (ит. *inferno*), *ἄσσο* (ит. *asso*), *βέργα* (ит. *verga*), *βιόλα* (ит. *viola*), *γρόσο* (ит. *grosso*) и многие другие.

поэта. Однако Сахликис, посещавший школу, преподавание в которой велось на искусственном языке, читавший книги и занимавший должность адвоката, должен был обладать определенным культурным багажом. Использование народного языка определяется скорее тематикой произведений Сахликиса, их демократической ориентацией¹³.

Стихотворения Сахликиса во всех кодексах разбиваются на два цикла¹⁴. Первый цикл, носящий в *P* и *N* общее название „Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἐρμηνεῖαι κυροῦ Στεφάνου τοῦ Σαχλήκη“, содержит почти идентичный текст во всех трех списках. Второй цикл, в *P* и *M* объединенный под заглавием „Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἐρμηνεῖαι, ἔτι καὶ ἀφηγήσεις κυροῦ Στεφάνου τοῦ Σαχλήκη“, в *N* носящий наименование „Ἀφήγησις παράξενος τοῦ ταπεινοῦ Σαχλήκη τοῦ ἐν Κρήτῃ“, имеет различное число и порядок стихотворений в разных рукописях. С. Д. Пападимитриу и Р. Кантарелла оставляют открытым вопрос о том, является ли объединение отдельных стихотворений в циклы делом рук самого Сахликиса или же его переписчиков. Для решения этого вопроса следует обратить внимание на порядок и композицию произведений поэта. Приводим схему расположения стихотворений Сахликиса в трех рукописях.

Первый цикл. *P, M, N*: О ночных экскурсиях (I, 1—117), об азартной игре (I, 118—239), о действиях гетер (I, 240—367). Второй цикл. *P*: О друзьях (II, 1—201), о тюрьме (II, 202—266), о тюремщиках (II, 267—340), о моем тюремщике (II, 342—377), собрание гетер (II, 378—712). *N*: Странный рассказ (III, 1—412), о тюрьме (III, 413—483) о тюремщиках (III, 484—564), о моем тюремщике (III, 565—602), собрание гетер (III, 602—812), главные сводницы (III, 812—908).

Порядок следования стихотворений второго цикла в *M* совпадает с *P*. Однако в *M* полностью отсутствует „О друзьях“.

Композиция первого цикла не представляет трудностей. Во втором цикле также можно обнаружить определенную тенденцию к логической последовательности отдельных стихотворений. Так, в *M* этот цикл начинается рассказом о тюрьме, продолжается описанием тюремщиков, после чего автор переходит к изображению собственного тюремщика, затем следует сатира на гетер вообще и, в частности, на Кутайотину — гетеру, из-за которой автор оказался в тюрьме. В *N* перед этими рассказами расположен „Странный рассказ“, где Сахликис сообщает свою биографию, а в конце, после „Собрания гетер“, прибавлены отсутствующие в других списках „Главные сводницы“. Мало логичным кажется помещение на первое место „О друзьях“ в *P*, однако, как будет показано дальше, такое расположение не было искомым.

Обращает на себя внимание, что группа стихотворений „О тюрьме“, „О тюремщиках“, „О моем тюремщике“, „Собрание гетер“ имеется во всех трех списках и расположена там в одинаковом порядке, причем соединительные стихи между отдельными стихотворениями примерно одинаковы (II, 267—269 = III, 484—486; II, 341—345 = III, 565—569; II, 378 = III, 603).

¹³ То, что содержание произведения определяло выбор языка в византийской литературе, доказывает хотя бы творчество Продрома, писавшего на ученом языке, но в своих „Нищенских стихотворениях“ пользовавшегося народным языком.

¹⁴ Уже С. Д. Пападимитриу заметил, что тексты Сахликиса составлены из отдельных написанных в разное время стихотворений. Об этом свидетельствует наличие переходных стихов (II, 202—203; 267—269; 341—344; 378—381; III, 413—417; 484—486; 565—569; 603—607), сочетание в одном произведении рифмованных и белых стихов и т. п. (см. С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 82 сл.). Мы сохраняем условные названия, данные С. Д. Пападимитриу отдельным стихотворениям.

Переписчики кодексов *P*, *M* и *N*, безусловно, имели перед собой рукописи или даже некую рукопись — архетип, где эти стихотворения были уже объединены в определенном порядке. Скорее всего в не дошедшей до нас редакции текста стихотворение „О друзьях“ следовало непосредственно за описанием тюрьмы. В начале стихотворения „О тюрьме“ Сахликис пишет: ἐγὼ ἀπεδὰ ἀφήνω τό, τοῦτο τὸ καταλόγι, γὰ γράψω καὶ τῆς φυλακῆς τοὺς πόνους καὶ τὰς θλίψεις, καὶ (διὰ) τοὺς φίλους τοὺς καλοὺς καὶ τοὺς καχοὺς τὸ τί ἔνε (III, 415—417). Действительно, в конце этого стихотворения содержится естественный переход к повествованию о друзьях: Ἄρμὲ τότες ἕνα καλὸν τῆς φυλακῆς εὐρίσκω, ὅτι τοὺς φίλους τοὺς καλοὺς ἢ φυλακῆ τοὺς δεῖχναι καὶ τοὺς καθάριους συγγενεῖς, ἐκεῖνη τοὺς γνωρίζει (III, 479—481). Однако само стихотворение „О друзьях“ в *M* и *N* отсутствует, а в *P* находится в начале цикла. Возможно, что самому Сахликису или его переписчику местоположение „О друзьях“ показалось тематически неоправданным, так как оно разбивало связный рассказ о горестях тюрьмы.

В пользу того, что вся эта группа стихотворений была объединена самим автором, говорят два факта: 1) Стихотворению о тюрьме предпослано введение, которое содержит рассуждения об изменчивости человеческого счастья и служит вступлением ко всему циклу (II, 203—215). В двух других случаях, когда авторская редакция текста не вызывает сомнений, мы видим аналогичный способ объединения стихотворений. Так, перед первым советом Фрациски находится общее вступление (I, 1—51). Обладает введением также „Странный рассказ“, в текст которого включены два ранее написанных произведения¹⁵. 2) Второй цикл, за исключением находящегося только в *N* „Странного рассказа“ и „Главных сводниц“, рассчитан на восприятие читателем в целом: отдельные изолированные стихотворения не могут быть до конца поняты. Так, „О друзьях“ начинается с заявления автора: Ἀπὸ τὴν ὄραν τὴν κακὴν ὅπου με φυλακίσαν, ὁ λογισμὸς μου ἐβιάζε με...¹⁶ Эти слова уже предполагают знание читателем того факта, что Сахликис был заключен в тюрьму. В конце этого стихотворения Сахликис мечтает о каком-нибудь средстве, благодаря которому можно было бы различить верных друзей от неверных. Таким средством поэт считает тюрьму¹⁷. Та же мысль содержится в конце рассказа „О тюрьме“ в строках, являющихся переходом к повествованию о друзьях¹⁸. В конце „Собрания гетер“ Сахликис описывает, как потерпевшая фиаско Кутайютина является к нему в тюрьму, что тоже может быть понято только читателем, знакомым с предыдущими произведениями поэта. Не говорим уже о тесной связи между собой таких стихотворений Сахликиса, как „О тюрьме“, „О тюремщиках“, „О моем тюремщике“. Есть основания думать, что сам автор объединил свои разрозненные стихотворения, как это сделал его гениальный современник Франсуа Вийон в своем „Testament“¹⁹.

* * *

Первым, или во всяком случае одним из первых произведений Сахликиса были „Ἀρχεμαυλιστρес“ („Главные сводницы“ — III, 812—908)²⁰.

¹⁵ См. С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 112.

¹⁶ II, 1—2.

¹⁷ II, 183—185.

¹⁸ III, 479—483.

¹⁹ Конечно, не исключается возможность, что отдельные стихотворения (например, „Главные сводницы“) были приложены к сборнику переписчиками, которые также могли самовольно изменить и порядок стихотворений.

²⁰ ... καὶ τ'ἀγραφα εἰς τὴν φυλακὴν διὰ τὰς ἀρχαῖς μαυλιστρес (III, 111).

В кодексе *N* оно присоединено к „Собранию гетер“ даже без обычных соединительных стихов. Стихотворение направлено против сводниц, и главным образом против некоей Пофоцудунии, под которой, как предпологает С. Д. Пападимитриу, надо подразумевать все ту же Кутайо-тину. В стихотворении рассказывается о собрании пяти сводниц, хвастающих своими подвигами. Основное место занимает самовосхваление Пофоцудунии. С. Д. Пападимитриу сближает это стихотворение с бытующими в греческом фольклоре *σάτυροι*, в которых народ предавал осмеянию тех или иных лиц. Число зафиксированных *σάτυροι* незначительно и они слишком малы по объему, чтобы судить о действительной близости к ним „Главных сводниц“. Тем не менее связь этого стихотворения с устным народным творчеством представляется нам безусловной. „Главные сводницы“ начинается следующими словами: *Μικροί, μεγάλοι, ἀκούετε τούτο τὸ καταλόγι* (III, 812). Обращение к слушателям в начале стихотворения встречается у Сахликиса также в „Собрании гетер“: *Ἀκούτε εἰντα συμβολῆν ἐνὸρθωσεν ἢ φῖνα* (III, 676). Подобное начало — вообще не редкость в произведениях на народном языке того времени²¹. Обращение к слушателям — очень частое начало многих народных песен, в том числе критских²².

Своего рода рефреном в стихотворении является вопрос, обращенный к Пофоцудунии, представляющий собой устойчивую форму, повторяющуюся с небольшими вариациями: *εἰπέ με Ποφούτσουνιά, μαυλίζεις ἢ γαμιάσα*²³, причем в двух случаях ответ Пофоцудунии начинается одинаковыми словами: *Νὰ σὲ κερδέσω ἀφέντη μου...*²⁴. Часто повторяющиеся формулы, особенно в вопросах, — также характерный признак критских народных песен²⁵.

Сатира на Пофоцудунию кончается недобрыми пожеланиями по адресу сводницы: „Все Пофоцудунию позорьте, повсюду о ней трубите, доставьте ее началству, донесите на нее и на еврейском кладбище похороните“²⁶. Проклятия высмеиваемому лицу нередко встречаются в инвективных песнях фольклора многих народов. В исторических критских песнях XIX в., направленных против врагов греческого народа, также можно найти подобное окончание²⁷.

Характерным стилистическим приемом греческих народных песен, встречающимся в „Главных сводницах“, а также в других произведениях Сахликиса, является анафора:

Ἄλλη εἶπεν οὐκ ἤϊοργα μαυλίστριαν νὰ με διαβῆ

Ἄλλη εἶπεν πίνω τὸ κρασίον παρ' ἀνδρα ἢ γυναῖκα

Ἄλλη εἶπεν πίνω τὸ κρασίον, μαυλίζω καὶ μεθύω (III, 821—823);

²¹ См. „Περὶ γέροντος νὰ μὴν πάρη χορίται“, 1—4 (G. Wagner. Op. cit., p. 106—111); „Γαδάρου, λόκου καὶ ἀλοπούς διήγησις ὠραία“, 1 сл. (ibid., p. 124—140); Γεωργιλλᾶ. Θανατικὸν τῆς Ρόδου, 18 сл. (Ibid., p. 32—52).

²² Словами *ἀφρουκαστήτε νασᾶς πῶ...* начинается, например, большинство критских исторических песен, собранных в сборнике Яннараки (A. Jeannarakí. Kretas Volkslieder, Leipzig, 1876, № 13, 14, 21, 28, 31, 38, 47, 48, 49, 52 и т. д. Существуют также другие формулы обращения: *ποῦ θέλει νὰ δροικῆξη καὶ νὰ μάθη* (ibid., № 44 и др.). Ср. также A. Passow. Popularia carmina Graeciae recentioris. Leipzig, 1860, CIX, CCCXCIV и др.

²³ III, 826, 835—836, 848, 865.

²⁴ III, 827, 837.

²⁵ Материал, который можно было бы привести, очень велик, ограничимся указанием на три песни сборника Яннараки (270, 272, 293).

²⁶ III, 905—909.

²⁷ A. Jeannarakí. Op. cit., p. 30, 54.

или:

ἐγῶμαι (ἦ) Ποθοτσουστουριά, ἐγῶμαι (ἦ) ψωλοπόθα
ἐγῶμαι ἀπάνω εἰς ὅλες σας, ἐγῶμαι ἐδὰ κεράσας (III, 829, ср. III, 852)²⁸.

Особенно часто в стихах Сахликиса и его современников встречаются случаи так называемой распространенной анафоры, когда стихотворная строчка разбивается на две части, причем различие между полустихиями заключается только в последнем слове²⁹. Подобная анафора служит акцентированию смысла строки.

Народные песни, с которыми мы сравниваем „Главных сводниц“, значительно более позднего происхождения, однако, как известно, художественная форма фольклорной поэзии весьма консервативна и часто в течение веков подвергается сравнительно небольшим изменениям. А о том, что Сахликис был знаком с современными ему народными песнями, он сам говорит в своих произведениях³⁰.

Тематически тесно связано с „Главными сводницами“ „Собрание гетер“ (II, 377—712; III, 603—811). В рукописях этого стихотворения не совпадает порядок следования многих стихов, немало разночтений. В отличие от белого стиха „Главных сводниц“, „Собрание гетер“ написано рифмованным стихом (четверостишие с одинаковой рифмой: а а а а). С. Д. Пападимитриу, ссылаясь на слова Сахликиса о том, что ему в тюрьме приходилось слышать *và τραγωδοῦν λατινικά*³¹, утверждает, что Сахликис слышал латинские песни голиардов и у них заимствовал такой оригинальный способ рифмовки. Аргументация С. Д. Пападимитриу малоубедительна, так как в языке того времени слово *λατινικός* означает не „латинский“, а „западный“, в таком значении употребляет это слово в другом месте сам Сахликис³². Поэтому предполагать влияние на творчество Сахликиса латинской поэзии голиардов нет оснований.

Четверостишия, которые С. Д. Пападимитриу объединяет под общим названием „Собрание гетер“, принадлежат, по крайней мере, двум различным стихотворениям. Первое из них начинается уже знакомым нам обращением к читателям (*ὁλοὺς λοιπὸν παρακαλῶ* III, 608 сл.) и так же, как „Главные сводницы“, заканчивается проклятиями по адресу Кутайиотины: „Если бы мне увидеть Кутайиотину в повозке Влассены и ее сек бы секущий, чтобы ей было тяжело и жгли бы ее, чтобы ее взял Харон“³³.

Композиция этого стихотворения полностью совпадает с композицией „Главных сводниц“.

Стихотворение, собственно изображающее совет (собрание) гетер, начинается обращением к читателям (III, 676). Из-за испорченности

²⁸ Подобная анафора встречается в некоторых памятниках народной литературы греческого средневековья. См., например, „*Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου*“, 57—59 (G. Wagner. Op. cit., p. 112—123) и др. Укажем на некоторые из очень многочисленных случаев анафоры в народных песнях. Так, целиком на анафоре построено стихотворение из сборника Пассова (ССССXXXIV). См. также А. Јεαππαράκι. Op. cit., 26, 31 и др.

²⁹ Например: *ἔχω καὶ τέτοια χάριταν ἔχω καὶ τέτοια τάξιν* (III, 875). В народной поэзии: *Σήχω Τάσιο νὰ φύγωμε, σήχω Τάσο νὰ πᾶμε* (A. Passow, LXVII, 24) и т. п.

³⁰ См., например, III, 197 сл.

³¹ С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 125 сл.

³² II, 685.

³³ III, 673—675. В переводе мы следуем толкованию С. Д. Пападимитриу, который под τῆς βλάσαινας τὸ χάρος понимает повозку (τὸ χάρος — от венед. *caro*) некоей Влассены, в которой ее провозили по городу для всеобщего поругания. Заслуживает внимания упоминание Харона — фигуры, чрезвычайно популярной в греческом фоль-

текста, пропусков и различия версий рукописей последовательность действия произведения можно восстановить, только комбинируя тексты всех трех списков. Кутайиотина устраивает совет, на который гетеры являются с совершенно определенной целью: они хотят найти способ устроить своего рода общежитие и жить своим телом без всякого труда (III, 680—683). В первой части стихотворения подробно описывается, кто явился на совет (II, 443—534; III, 680—734). Почти каждая из пришедших наделяется каким-либо бранным эпитетом, а некоторым из них дается краткая сатирическая характеристика. Совет происходит, очевидно, в доме Кутайиотины³⁴. Женщины отпускают реплики, выступают с речами. Они выбирают Кутайиотину своей начальницей³⁵. Женщины совещаются, танцуют, играют (III, 760), после чего Кутайиотина отправляет их по домам, приглашая на завтра вновь собраться у нее. Женщины с песнями расходятся, а утром вновь являются к Кутайиотине³⁶. У Кутайиотины они едят, пьют и веселятся. Речью некоей Лацены обрывается действие в кодексе *N*. Согласно чтению других кодексов, женщины во главе с Кутайиотиной отправляются к городским властям просить участок земли под „общежитие“. Над ними, однако, там смеются, и Кутайиотина идет в тюрьму к Сахликису, который увещевает гетер: *λείπετ' ἀπ' ταῖς πολιτικαῖς, ὅλους σὰς συμβουλεύω*. И далее: *καὶ δι' αὐτὸ τοῦτην τὴν βουλὴν εἰς ὅλους ἔγραψά τὴν ὅς τὸ ῥέθερμος κ' εἰς τὰ Χανιά παντοῦ κουδοῦνισά τὴν, καὶ ἴω τὴν Κουταγιώταιναν παντοῦ μανδάτευσά τὴν, καὶ τὴν βουλὴν τῶν πολιτικῶν παντοῦ διελάλησα τὴν* (II, 670—674).

Эти слова являются логическим завершением произведения, однако стихотворение на этом не кончается. Дальнейший текст в *M* (24 стиха) соответствует *N* (III, 696—723) и *P* (II, 458—474). Но в *P* за этими словами следуют в основном совершенно новые стихи (II, 675—712), относительно принадлежности которых к „Собранию гетер“ и вообще перу самого Сахликиса высказывались сомнения³⁷. Нам, однако, кажется, что эти сомнения лишены оснований. Дело в том, что в разбираемом тексте упоминается главная героиня „Собрания гетер“, Кутайиотина, которая названа *πριώρα* (II, 712), а именно *приорой*³⁸ избрали Кутайиотину женщины на своем совете. Кроме того, некоторые строки окончания кодекса *P* находят соответствия в *N* (II, 689 = III, 740; II, 700 = III, 748 и др.). Да и по содержанию этот отрывок вполне мог бы находиться в середине „Собрания гетер“.

Согласно чтению *N*, женщины на совет *ἦρθασιν μοῖρα τρέχοντα, μοῖρα νὰ βαλόπο*³⁹. Непонятное выражение *νὰ βαλόπο* С. Д. Пападимитриу считает модификацией итальянского *a galoppo*⁴⁰. В этом случае стих получает следующий смысл: „...часть прибежала, часть прискакала галопом“. В тексте *N* и *M* ни об одной из женщин не говорится как о прибывшей верхом. В рассматриваемом же отрывке большинство гетер изображаются наездницами (II, 675, 678, 687, 690). Отрывок начинается словами:

³⁴ III, 771.

³⁵ III, 757 сл., II, 561. С. Д. Пападимитриу прав, предпочитая чтение *M* *εἶπα* вместо *εἶπεν*.

³⁶ II, 586, сл. Об этом сообщается только в *P*. В *N* и *M* вместо этого стоят стихи (III, 785 сл.), которые в *P* отнесены к концу стихотворения, где они гораздо более уместны (II, 629 сл.).

³⁷ Г. Вагнер (ук. соч., стр. 105) ссылается на Бурсиана: „*Bursiano carmen ab ipso poeta V. 674 finitum esse videtur, ceteris ab aliena manu additis*“. Ср. С. Д. Пападимитриу. Указ. соч., стр. 103—104, примеч. 2.

³⁸ Об этом слове см. ниже, стр. 73—74.

³⁹ III, 680.

⁴⁰ С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 186.

Καβαλλικεῖαι κουφαροῦ καὶ τρέχει Ῥοχοτζέλα (II, 675) — фразой, содержащей такое же противопоставление, как и в начале стихотворения в *N* (Μοῖρα τρέχοντα, μοῖρα ἂν βαλόπο). Скорее всего текст отрывка принадлежит начальной части стихотворения, где рассказывается о том, как собирались на совет гетеры: он более всего подходит к началу по своему содержанию и стилю.

Интересную проблему представляет вопрос о жанре „Собрания гетер“. Обращает на себя внимание, что в двух сатирах, направленных против женщин, Сахликис изображает некое собрание, совет. Византийская литература предшествовавших веков знала сатирические произведения, изображающие собрания плодов⁴¹, рыб⁴², птиц⁴³, животных⁴⁴. Сопоставление „Главных сводниц“ и „Собрания гетер“ с этими произведениями выявляет их общие черты⁴⁵. Собрания бывают весьма многочисленными и охватывают большое число представителей плодов, рыб, птиц или зверей. В доме Кутайотины собираются женщины всех рангов — от крестьянки до любовницы протопапы. На собрании всегда есть главный председательствующий⁴⁶. Роль главной у Сахликиса исполняют Пофоцуцуния (в „Главных сводницах“) и Кутайотина (в „Собрании гетер“). Между присутствующими на собрании обычно разгорается ссора, участники собрания выступают с речами, восхваляя себя и понося своих противников, и даже вступают между собой в сражение („Пулолог“ и „Рассказ о четвероногих“). Самовосхвалением занимаются и сводницы в „Главных сводницах“ и гетеры в „Собрании гетер“. В уста гетер вложены отдельные сатирические реплики и высказывания, но основная сатирическая характеристика в этом произведении исходит от самого автора. Вполне вероятно, что стихи, находящиеся в конце кодекса *P* и относящиеся, как кажется, к началу стихотворения (II, 675—712), представляют собой отрывок из описания битвы между гетерами: женщины находятся в полном вооружении (II, 685—690), грозят друг другу (II, 688—689) и т. п.

В конце произведений, описывающих собрания, председательствующий (царь) объявляет свое окончательное решение: Айва осуждает Виноградную кисть в „Рассказе о плодах“, Кит — ὁ Τζῆρος (макрель?) — в „Опсарологе“, Орел приказывает птицам прекратить распрю в „Пулологе“⁴⁷. Конец „Собрания гетер“ более всего близок к окончанию „Рассказа о четвероногих“. В обоих случаях цель собрания оказалась недостигнутой: царь-лев повелевает, чтобы вновь началась вражда между четвероногими, ничего не вышло также из плана гетер обосноваться в одном месте, и начальница Кутайотина советует женщинам вновь рассеяться

⁴¹ „Διήγησις τοῦ Πορικολόγου“ (G. Wagner. Op. cit., p. 199—202).

⁴² См. К. Krumbacher. Das mittelgriechische Fischbuch, SBAW, 1903, S. 345—360.

⁴³ „Πουλολόγος“ (Ed. G. Th. Zoras, БΕΒΣ, 1956, 25).

⁴⁴ „Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων“ (G. Wagner. Op. cit., p. 141—178).

⁴⁵ О „родстве“ произведений, описывающих собрания плодов, рыб, птиц и животных в византийской литературе, говорил К. Крумбахер („Das mittelgriechische Fischbuch“, S. 348). Насколько нам известно из краткой аннотации в ВЗ, 39, ту же мысль высказал А. Камариано (A. Samaritano. Der griechische Porikologos und Opsarologos, — „Carterari literare“, 3, 1939). О жанре „совета“ в мировой литературе см. статью Х. Лопарева „Животный совет“ во всеобщей литературе — *Comptationes philologicae*. Сборник в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897, стр. 21—24.

⁴⁶ Царь-Орел в „Пулологе“, царь-Лев в „Рассказе о четвероногих“, царь-Айва в „Рассказе о плодах“, царь-Кит в „Опсарологе“.

⁴⁷ Следует отметить, что в двух (из восьми имеющихся) версиях „Пулолога“ ссора птиц не прекращается.

по стране. И в других деталях „Собрание гетер“ более всего напоминает „Рассказ о четвероногих“: в обоих произведениях собрания называются советом (ἡ βουλή)⁴⁸, в обоих произведениях перед открытием самого совета рассказывается о том, кто и каким образом явился на совет⁴⁹, упоминается, каким образом расселись его участники⁵⁰. Сахликис мог знать возникший в XIV в. „Рассказ о четвероногих“, один из списков которого носит следы критского происхождения⁵¹.

„Собрание гетер“ не обладает острым социальным содержанием „Рассказа о четвероногих“. Это произведение представляет собой злую сатиру на женщин, которых Сахликис обвиняет в разврате, сводничестве и пьянстве — пороках, которыми еще в античности охотно наделяли женский пол авторы сатир и комедий⁵². Сахликис называет множество имен, по всей вероятности, своих современниц. Описание некоторых из них сопровождается даже деталями внешнего облика⁵³. Гетеры собираются со всей страны, они — разного возраста и общественного положения. Невозможно сейчас установить, в какой степени сатира Сахликиса соответствует действительности — во всяком случае она представляет собой гротескную инвективу. Насмешка Сахликиса касается не только самих женщин, но и их мужей и содержателей: автор не упускает случая назвать имена тех, кому принадлежат гетеры (III, 715, 724, 748 и др.). В числе любовников Сахликис часто называет лиц духовного звания: ὅλοι οἱ παπάδες ἔχουσιν τὸ σπρίτιν τῆς μητᾶτον (и для всех священников дом ее служит гостиницей), — говорится о ἡ μαστόρισσα τοῦ Ἰωάννου Πιλάτου⁵⁴. О двух женщинах сообщается, что они τῶν παπάδων ὄλωνων ἐκάμασιν τραπέλα⁵⁵. Дважды в тексте стихотворения упоминаются οἱ φράροι — духовные лица католической церкви, может быть, монастырские „братья“. Так, гетера Якумена „сосчитала любовников и нашла сотню, а сверх сотни еще пять братьев (πέντε φράροι)⁵⁶. Другая женщина является на собрание от братьев (ἀπὸ τοὺς φράρους ἐρχεται)⁵⁷. В Р гетера Пилатена названа φραρογαμημένη (II, 473)⁵⁸. Пострадал от некоей Nicolette епископ⁵⁹. В числе любовников, называется также высшее духовное лицо критских греков — протопапа⁶⁰. На совет является гетера, названная τοῦ πριόρε (III, 730). Слово πριόρε (ит. priore, лат. prior) означает должностное лицо как светское, так и духовное⁶¹. Однако следующая

⁴⁸ „Рассказ о четвероногих“, 29; Сахликис, II, 671, 674 и др.

⁴⁹ „Рассказ о четвероногих“, 30—111; Сахликис, III, 680 сл. и др.

⁵⁰ „Рассказ о четвероногих“, 17 сл.; Сахликис, II, 483—485.

⁵¹ См. В. С. Шандровская. Византийская басня „Рассказ о четвероногих“. — ВВ, X, 1956, стр. 191 сл.

⁵² Симонид Аморгосский, Аристофан. В византийской литературе можно указать на „Κατὰ φιλοπόρνων γράς“ Продрома. В XV в. появилась анонимная сатира на женщин, напоминающая по стилю стихотворение Сахликиса (см. K. Guthbacher. Ein vulgargriechischer Weiberspiegel. Münch., 1905).

⁵³ Ἡ χυρὰ Κολομπούδαινα με τ'ἀσπρα τὰ μολλιά της (III, 692), Ἡ Γιακουμίνα . . . με τὸ ξανθὸν τριχάριον (II, 478).

⁵⁴ III, 718. Ср. примеч. С. Д. Пападимитриу к слову μητᾶτον (ук. соч., стр. 139—140).

⁵⁵ III, 730. Слова ἐκάμασιν τραπέλα представляют собой народное идиоматическое выражение, смысл которого сейчас непонятен.

⁵⁶ II, 481—482. Принимаем чтение С. Д. Пападимитриу στοὺς ἐκατόν вместо вагнеровского τοὺς ἐκατόν.

⁵⁷ III, 746—747. Перед этим стихом в тексте лакύνα, на что указывает отсутствие рифмы.

⁵⁸ В Ν ἐγνωγαμημένη (III, 710).

⁵⁹ II, 530—531.

⁶⁰ III, 742. Ср. H. Noiret. Op. cit., p. 136.

⁶¹ См. Ducange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, s. v. prior.

фраза: *καὶ τῶν παπάδων ὁλωνῶν ἐκάμασι τραπέλα* — показывает, что под *πρίορε* в данном случае подразумевается именно духовное лицо. В связи с этим возникает и другое предположение. Сахликис говорит, что женщины выбирают Кутайиотину своей приорой: *ἐκάτταν εἰς τὴν βουλήν διὰ τὰ κάμουν πρίορα* (III, 757 сл.). Приорой названа Кутайиотина также в конце повествования (II, 712). С. Д. Пападимитриу переводит *πρίορα* словом „начальница“. Ни один из словарей не дает этого слова. Латинский словарь Дюканжа фиксирует женский род от *prior* — *priorissa* и *priosa* (фр. *prieuse*)⁶². Возможно, что Сахликис, употребляющий *πρίορε* как обозначение духовного лица, под термином *πρίορα* понимает также духовное лицо — „аббатиссу“. Председательствующая Кутайиотина иронически называется военным термином *ἡ καπετάνιος*⁶³ и духовным *ἡ πρίορα*. Подкреплением этой мысли, может быть, служит тот факт, что в другом своем стихотворении — „Странный рассказ“ — поэт уподобляет *τὸ μαυλισταρειὸν* (сборище сводниц) большому монастырю (*τὸ μέγα μοναστήριον*)⁶⁴.

В контексте сатирического произведения о гетерах не слишком почтительно звучат упоминания бога и Христа в устах гетер, да и самого автора⁶⁵. Клянущиеся в верности Кутайиотине гетеры приносят иконы⁶⁶. Иронический оттенок имеет также сравнение гетер с игуменьями⁶⁷. Насмешки над духовенством встречаются и в других произведениях Сахликиса⁶⁸.

Во время пребывания в тюрьме Сахликис написал также стихотворение „О друзьях“, текст которого сохранился только в *P* (II, 1—201). Так же как „Главные сводницы“ и стихотворения о тюрьме и тюремщиках, „О друзьях“ написано белым стихом. Стихотворению предпослано введение (II, 1—17), где рассказывается, как рассудок (*ὁ λογισμός*) и ум (*ὁ νοῦς*) побуждали заключенного в тюрьму Сахликиса писать о друзьях и родственниках. Сахликис сопротивляется, но ум и рассудок берут верх и заставляют его встать за перо. Сахликис кончает введение просьбой к читателям простить его за ошибки, ибо „он берется за великое дело, а ума не хватает“. Обращение к рассудку, жалобы на *ὁ νοῦς* и *ὁ λογισμός* и даже персонификация этих понятий — нередкое явление в византийской литературе, особенно написанной на народном языке⁶⁹. Обращение к своему *λογισμός* встречается в эпиграммах Паллада⁷⁰. В одном из диалогов Фиписа, „*Ἠθοποιία δραματική*“, в качестве собеседника автора выступает персонифицированный ум. В памятниках народной литературы о *νοῦς* и *λογισμός*, как и у Сахликиса, говорится чаще всего во введении. „*Ὁ λογισμός μου πάντοτε φέρνει σε εἰς τὸν νοῦν μου*“, — обращается к племян-

⁶² См. D u c a n g e. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, s. v. *priorissa*, *priosa*.

⁶³ III, 758.

⁶⁴ III, 97.

⁶⁵ II, 667; III, 686.

⁶⁶ II, 623.

⁶⁷ II, 663—664; III, 711.

⁶⁸ О том, что духовные лица на Крите мало чем отличались от мирян и вели, по всей видимости, отнюдь не безупречный образ жизни, свидетельствует хотя бы документ из сборника Нуаре, датированный 10 марта 1390 г. В документе говорится о том, что на Крите происходят многочисленные беспорядки в связи с тем, что некоторые духовные лица (*clerici prime tonsure et quatuor ordinum minorum*) живут как миряне (*in habitu, vita et moribus secularibus in omnibus se nutriunt. Se gerunt uti seculares*), но когда они совершают какое-либо преступление, то избегают наказания, будучи духовными лицами (H. N o i r e t. *Op. cit.*, p. 30).

⁶⁹ У Сахликиса персонификация *ὁ νοῦς* встречается также в стихотворении „О моем тюремщике“ (III, 586, ср. I, 180).

⁷⁰ Паллад, X, 96.

нику Спанеас в начале своей дидактической поэмы⁷¹. „Ἀπορεῖ γάρ μου ὁ λογισμὸς συγγέεται κ' ὁ νοῦς μου“, — заявляет анонимный автор „Ἐρῆνος περὶ Ταμυράγγου“⁷². Анонимное стихотворение „Εἰς Βενετίαν“ начинается словами: Ἐδᾶ συναΐξου, λογισμέ, καὶ λεπτινὴ μου γνῶσι, καὶ ἴμιλειε, γλῶσσα, φρόνιμα, κὶ ὁ νοῦς μου ἄς θεμελιώσῃ⁷³. В середине произведения современника Сахликиса Георгиλλас приводится беседа автора со своим ὁ λογισμὸς⁷⁴. Обращает на себя внимание частое сопоставление в народной литературе ὁ νοῦς и ὁ λογισμὸς — сопоставление, которое мы находим во введении к стихотворению „Ὁ друзья“ Сахликиса⁷⁵.

Само стихотворение начинается с рассуждений о бескорыстной дружбе в минувшее время, когда люди с охотой шли на смерть ради друга и ни во что не ставили деньги, богатство, готовые всегда их предоставить в распоряжение своих друзей. В качестве примера Сахликис приводит идеальную дружбу Ахилла и Патрокла. „Но я вижу, что изменились дела мира (ἀμμὴ θωρῶ ὅτι ἐλλάξασι τὰ Πράγματα τοῦ κόσμου), — продолжает поэт. — Сейчас нельзя найти верного друга, все любят богатство, ищут состояния, пытаются получить выгоду, стать богатыми...; где выгода и польза, там заключают дружбу“ (II, 50—54). Эту мысль в разных словах и выражениях Сахликис повторяет на всем протяжении произведения, иллюстрируя ее различными примерами. Все любят богатых родственников и презирают бедных (68—71), — пишет поэт, — дети богатого человека мечтают о его смерти (100—103), стбят богатому разориться, как от него отворачиваются все друзья (105—106), и т. п. Сахликис мечтает о том, чтобы найти средство различать верных друзей от неверных, и горькими сетованиями об исчезновении дружбы заканчивает стихотворение⁷⁶.

„Ὁ друзья“, так же как и большинство других произведений Сахликиса, носит ярко выраженный дидактический характер, содержит многочисленные обращения к читателю⁷⁷. Несмотря на откровенно поучительный характер, обилие повторений и общих рассуждений, стихотворение „Ὁ друзья“ не лишено определенных достоинств. Картина разрыва родственных и дружеских связей, всеобщего корыстолюбия представляет собой не дань какой-либо литературной традиции⁷⁸, а гротескное отражение реальных отношений. В стихотворении немало горестно-иронических наблюдений. Так, говоря о заболевшем богатом человеке, Сахликис описывает, как родственники ждут его смерти, как после кончины „громко бьют в колокола, собираются священники, возносят к небу псалмы и хоронят его“ (II, 134—135). Родственники плачут, но в душе хохочут (II, 137). Затем по контрасту Сахликис дает картину смерти бедняка. „Очень тихо поют, в колокола не бьют, хоронят его, возвращаются и больше ни слова“ (II, 163—164). Характерно, что в первом случае Сахликис упоминает священников (οἱ παπάδες), о которых нет речи при описании похорон бедняка. Уже отмеченные нами приемы — повто-

⁷¹ „Ἀλεξίου Κορυνηνοῦ ποίημα παιραινετικόν“ (G. Wagner. Op. cit., p. 1—27).

⁷² „Ἐρῆνος περὶ Ταμυράγγου“, 6 (G. Wagner. Op. cit., p. 28—31).

⁷³ „Εἰς Βενετίαν“, 1—2 (G. Wagner. Op. cit., p. 221—223).

⁷⁴ „Θανατικὸν τῆς Ρόδου“, 446, сл.

⁷⁵ Кроме приведенных примеров, сошлемся на „Περὶ γέροντος καὶ μὴν πάρη χορίται, 196. Подобное же сопоставление встречается в критских народных песнях (J e a n n a k i. Op. cit., № 15,2; 23,1; 48,3 и др.).

⁷⁶ Те же мысли о разрыве родственных и дружеских связей под влиянием корыстолюбия высказываются устами кормилицы Арегузы через несколько десятилетий после Сахликиса в „Ἐρτοκритε“.

⁷⁷ II, 30, 72, 82 сл., 114, 140, 149, 165 и др.

⁷⁸ На тему об исчезновении дружбы известно стихотворение Продрома „Ἀποδῆμος φίλια“. Трудно сказать, знал ли его Сахликис.

рение отдельных стихов⁷⁹, анафора⁸⁰ встречаются и в стихотворении „О друзьях“.

Группа стихотворений о горестях жизни заключенного („О тюрьме“, „О тюремщиках“ и „О моем тюремщике“) со сравнительно малым числом разночтений содержится в тексте всех трех рукописей.

Цикл начинается обычным введением, после которого следует обращение к читателям: καὶ τοῦτο ὀρδινιάζω σας ὅλοι μικροὶ μεγάλοι⁸¹. Обращения к читателям встречаются также и в середине цикла⁸². С. Д. Пападимитриу сравнивает первые два произведения этой группы с поэмой М. Глики о тюрьме⁸³, однако эти сопоставления, как, впрочем, он сам это признает, малоубедительны: некоторое совпадение текстов объясняется общностью тем обоих произведений. Цикл стихотворений о тюрьме носит ярко выраженный личный характер: поэт описывает действительно пережитое им. Говоря о тюремщиках, Сахликис постоянно подчеркивает их корыстолюбие: первым делом, как только является заключенный, они стараются выяснить, богат он или беден, и если заключенный оказывается состоятельным человеком, непрерывно вымогают у него взятки.

Своеобразием художественной формы этого цикла является нагромождение развернутых гиперболических сравнений. Поэт уподобляет тюрьму могиле: „Дверь тюрьмы похожа на могильную плиту, и как могильная плита покрывает мертвеца, так тюрьма держит живых людей“ (III, 440—443). Не удовлетворяясь этим сравнением, Сахликис уподобляет дверь тюрьмы яду, стены — отвесам высокого утеса, а пол — колючему чертополоху, затем сравнивает стены тюрьмы с мечом, пол — с саблей и т. д. В конце стихотворения поэт называет тюрьму чистилищем: как души умерших мучаются в подземном царстве, так живые — в тюрьме. Подбирая сравнения для тюремщиков, Сахликис уподобляет их волкам и вóронам. Но это кажется поэту недостаточным, и он называет их кинокефалами⁸⁴, прибавляя, однако, что, как он слышал, кинокефалы пожирают людей, не трогая их имущества, в то время как тюремщики съедают вместе с человеком его детей и состояние. Стремясь к большей выразительности и обладая умеренным талантом, Сахликис идет по линии нагромождения изобразительных средств.

„Странный рассказ“ (III, 1—412), как это явствует из его содержания, написан Сахликисом в последний период творчества. В интересное автобиографическое повествование включены два ранее написанные произведения: „О крестьянах“ (III, 170—258) и „Об адвокатах“ (III, 350—412). Если другие стихотворения Сахликиса в жанровом отношении можно сравнить с некоторыми произведениями византийской народной литературы, то „Странный рассказ“ представляет собой единственный образец автобиографического жанра.

В обширном введении (III, 1—29) Сахликис жалуется на свою судьбу и долю. Слова ἡ τύχη и ἡ μοῖρα в качестве синонимов постоянно употребляются вместе для усиления, точно так же как ὁ νοῦς и ὁ λογισμός во введении к „О друзьях“⁸⁵. Основная мысль введения, проходя-

⁷⁹ II, 183, 186.

⁸⁰ III, 188—190, 180—181; II, 62, 63.

⁸¹ III, 428. Ср. начало „Главных сводниц“: „μικροί, μεγάλοι, ἀκούετε. . .“ (III, 812).

⁸² III, 536—537 и др.

⁸³ С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 96 сл.

⁸⁴ III, 555 сл. в *N* *χοιροκέφαλα*, в *P* *κυνοκέφαλοι*. Кинокефалы (песьеголовцы) — распространенные образы греческого сказочного фольклора. В современных сказках они носят название *Σκυλοκέφαλοι*. Сахликис заимствовал этот образ из устных рассказов: *οἱ χοιροκέφαλοι ὡσάν ἀκῶ καὶ λέγουσιν* (III, 561).

⁸⁵ Ср. „Περὶ τῆς ξενιτείας“, 148, 154 (G. Wagner. Op. cit., p. 203—220).

щая, впрочем, через все стихотворение, — непостоянство человеческой судьбы. „Та (судьба), которая тебя ограбила, может вернуть еще большие блага, может повернуть вспять колесо“ (III, 7—9), — восклицает автор. Она „играет несчастным, как музыкант на лире“ (III, 26), — заявляет он⁸⁶. На всем протяжении „Странного рассказа“ Сахликис представляет себя игрушкой в руках судьбы. „Подъемы и спуски несут меня“⁸⁷, — пишет поэт. С 14 лет начала Сахликису препятствовать судьба (III, 39). Это она заставила его полюбить пороки (III, 49) и отправила в бордели (III, 51). Злая судьба (ἡ τύχη μου ἢ κακή — III, 91) побудила Сахликиса промотать остатки состояния. По воле судьбы встречается поэт с Кутайиотиной (III, 102), а после освобождения из тюрьмы отправляется в деревню (III, 115). Но ничему не научив его в деревне (III, 115), судьба велела Сахликису возвращаться в город (III, 163). Мысли о преходящем характере всего земного встречаются у Сахликиса и в других произведениях „... κλιούν τὰ πράγματα τοῦ κόσμου καὶ διαβαίνου“ (II, 100), — говорит Сахликис в стихотворении „О друзьях“. Рассуждениями об изменчивости мирских дел и непостоянстве всего земного начинается цикл стихотворений о тюрьме (III, 419 сл.). В последнем случае Сахликис указывает на литературное происхождение такого представления: такие мысли он встречал в писаниях „разумных людей“ (III, 419—422).

Рассуждения об изменчивости и вероломстве человеческой судьбы, а также персонифицированная и обожествленная Τύχη с античных времен встречаются в литературе⁸⁸. Нет, однако, необходимости предполагать знакомство Сахликиса с памятниками древней литературы. Представления об изменчивости Τύχη были, по-видимому, общераспространенными в средневековой Греции: мы встречаемся с ними во многих произведениях, в том числе написанных на народном языке. Подобные мысли нередки у Продрома и Цеця. В „Драμάτων“ автора XII в. М. Аплухира выводилась олицетворенная фигура Τύχη. В аллегорической сказочной поэме „Δόγος παρηγορητικὸς περὶ δυστυχίας καὶ εὐτυχίας“ были изображены аллегорические фигуры счастья и несчастья. Персонифицированная Судьба (Μοῖρα) выступает в качестве собеседницы в диалоге Фалиериса (Ἱστορία καὶ ὄνειρο τοῦ εὐγενεστάτου ἀρχонтаς κυρίου Μαρίνου Φαλιέρου). Интересно, что в двух анонимных произведениях народной литературы, датированных примерно концом XV в., т. е. временем жизни Сахликиса, мы встречаемся с образом колеса судьбы, которое возносит человека ввысь только для того, чтобы сразу же опустить вниз⁸⁹. Этот образ находит полное соответствие в „Странном рассказе“ Сахликиса: δύναται ἡ τύχη τὸν τροχὸν πάλιν νὰ τὸν γυρίσῃ (III, 9). Мысли об изменчивости судьбы нередки в последующей новогреческой литературе⁹⁰, а обращение к судьбе, особенно в начале произведения, встречается часто и в устной поэзии⁹¹.

Рассуждения Сахликиса об изменчивости судьбы — не столько абстрактно-нравоучительное философствование, сколько горькие выводы

⁸⁶ См. также III, 77 сл.

⁸⁷ Τὰ μεγάλα ἀνίφορα κατήφορα μὲ φέραν (III, 72).

⁸⁸ Аргументацию и ссылки на соответствующую литературу см. И. Ирмшер. Палаад. — ВВ, XI, 1956, стр. 261—262.

⁸⁹ „Ἀλφάβητος κατανοητικὸς καὶ ψυχοφελής“, 6—15 (G. Wagner. Op. cit., p. 242—247). Почти в тех же выражениях эта мысль передается в „Περὶ τῆς ξενιτείας“, 431—433. Жалобы на τύχη содержатся и в начале „Περὶ τῆς ξενιτείας“.

⁹⁰ „Печальное созерцание непостоянства всего земного... составляет излюбленную тему многих новогреческих стихотворений“ (K. Dietrich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902, S. 83).

⁹¹ A. Passow. Op. cit., CCCLXXXV; A. Jeannarakis. Op. cit., p. 16, 76 и др.

из собственного жизненного опыта. „Странный рассказ“ написан с позиций умудренного опытом человека, рассказывающегося в своем беспутном прошлом. Сахликис постоянно осуждает себя и пытается оправдаться только кознями судьбы, против которых он всегда оказывается бессильным. Сахликис приписывает себе даже некоторые благородные мысли и побуждения, которым, однако, не суждено было осуществиться из-за его безволия и пассивности. Так, в начале адвокатской деятельности он старался усердно выполнять свои обязанности, был справедливым, избавил от платы многих бедняков, не брал взятку⁹². Такое поведение вызывает неудовольствие его коллег — адвокатов-взяточников, среди которых он чувствует себя белой вороной. Свои ощущения Сахликис передает развернутым сравнением с состоянием человека, впервые пускающегося в морское путешествие: „... моряки едят и пьют, смеются и поют, расхаживают по кораблю, ходят туда и сюда, а те, которые не привыкли, лежат удрученные, их рвет, и они валяются, как больные“⁹³.

Сахликис собирался даже отказаться от должности, но и этому благородному побуждению не суждено было осуществиться: он становится таким же взяточником, как и его коллеги. Такое превращение поэт опять-таки объясняет сравнением с морским путешествием: „Кто плывет по морю, должен сам научиться плавать и не бояться глубины, быть хорошим матросом, любителем путешествий“⁹⁴. „Если кто-нибудь имеет должность, — продолжает автор, — будь он хоть крепче дуба, становится негодяем, вором и обманщиком“⁹⁵. Сознывая свое безволие, Сахликис в то же время не склонен снимать с себя всей вины: „Признаю грех свой“, — говорит поэт. Яркий образ автора — одно из основных достоинств „Странного рассказа“. Включенные в „Странный рассказ“ рассказы о крестьянах (III, 170—258) и адвокатах (III, 350—412) по своему жанру мало чем отличаются от таких произведений поэта, как „О тюремщике“, „О моем тюремщике“ и т. п. К крестьянам Сахликис относится с высокомерным пренебрежением человека, вкусившего плоды городской цивилизации. Земледельцы, пахари, пастухи, свинопасы и пр., по словам поэта, не умеют вести себя в обществе, грубы и невежественны (III, 173 сл.). Он ненавидит крестьян, призывает на их головы гнев Христа (III, 246). Несмотря на такую явную тенденциозность, Сахликис дает образную картину крестьянской жизни и сообщает много интересных деталей быта крестьян⁹⁶. К сожалению, оказалась утерянной та часть рассказа о крестьянах, в которой говорилось о сельском священнике⁹⁷. Поэт иронически называет священника „блюстителем“ (ὁ κοιρανаторας, ит. curatore).

Не меньший интерес представляет рассказ Сахликиса об адвокатах. По словам поэта, это сословие разъедает коррупция. Адвокаты расценивают свою деятельность только как средство обогащения. „Старайся обогатить богатых и бедных, бери у всех плату, набивай хорошенько кошелек“, — увещевают Сахликиса его коллеги (III, 290—291). Корыстолюбие и в данном случае обличается Сахликисом как основной общественный порок. Адвокат, не получивший взятки, ничего не будет делать, даже если человек умирает (III, 361), но он проявляет максимум

⁹² См. III, 275—284.

⁹³ III, 307—310.

⁹⁴ III, 325—327.

⁹⁵ III, 329—331. С. Д. Пападимитриу, конечно, прав, изменяя чтение ὁ πρίμος (330) на ὁ πρίμος. Этой поправки требует как смысл, так и рифма (ἐχέϊνος).

⁹⁶ См., например, III, 182—183, 186—187 и др.

⁹⁷ Сахликис пишет: "Ἄς ἔρρωμε εἰς τὸν παπᾶν... (III, 249). Однако сам рассказ

активности, как только видит перед собой богатого человека, щедро оплачивающего его услуги (III, 391 сл.). Поэт сравнивает адвокатов с ворами, делящими добычу (... ὡσαν κλέπτες τὰ μεράζου — III, 314), с бешеными псами (... ὡσαν λύσαρους σκύλους — III, 301). Вряд ли в каком-либо историческом источнике содержится такая яркая картина разложения сословия государственных чиновников⁹⁸.

Все упомянутые выше произведения Сахликиса объединяются рукописями в одно стихотворение. Другой цикл составляет так называемые „Советы Фрациски“ (I, 1—367). Число разночтений в этом стихотворении сравнительно невелико, порядок следования текста одинаков⁹⁹. Все произведения Сахликиса в той или иной степени носят дидактический характер, но особенно это относится к „Советам Фрациски“ — циклу, представляющему собой поучения автора сыну своего старого друга. Поучения, направленные какому-либо определенному лицу или просто адресованные читателю, — излюбленный жанр византийской литературы, особенно написанной на народном языке¹⁰⁰.

Как уже говорилось, композиционно этот цикл построен так же, как и другие произведения поэта: после общего введения (1—51) следуют три самостоятельных стихотворения, объединенные в одно целое. Во вступлении Сахликис говорит, что он не впервые обращается к Фрациски с увещеваниями (например, он советовал сыну друга покинуть чужие страны — I, 1—2), однако эти обращения не приводят к желаемым результатам. Описание несчастий, которые ожидают человека на чужбине, составляет содержание большого цикла греческих народных песен. То, что эта тема не была чуждой и византийской народной литературе, доказывается сохранившимся анонимным произведением „Περὶ τῆς ξενιτείας“. Если бы стихотворение Сахликиса о путешествиях в чужие страны дошло до нас, мы, возможно, имели бы лишнее доказательство зависимости творчества Сахликиса от фольклора.

В первом из упомянутых выше трех стихотворений поэт советует Фрациски не участвовать в ночных экскурсиях, во втором — оставить азартные игры, в третьем предостерегает от козней гетер. Можно отметить, что по сравнению с другими произведениями этого жанра у Сахликиса значительно слабее чувствуется влияние религии: упоминания Христа, напоминания о божьем гневе и т. п. носят эпизодический характер и не определяют общего тона стихотворения¹⁰¹. Как и в других

⁹⁸ Косвенные данные о злоупотреблениях государственных чиновников, в том числе *advocatores communis*, на Крите можно извлечь из документов сборника Нуаре. Дож Венеции регулярно отправлял на Крит синдиков с особыми полномочиями, в задачу которых входило принятие жалоб на государственных чиновников, в том числе на *advocatores communis* (см., например, документы от 13 мая 1438 г., стр. 378 сл., от 12 апреля 1473 г., стр. 525 сл. и др.). В документе от 15 марта 1436 г. говорится о запрещении одновременно избирать в число адвокатов родственников. Подобная практика приводила, по-видимому, к злоупотреблениям. О злоупотреблениях среди других категорий государственных чиновников см. H. Noiret. *Op. cit.*, p. 527 и др.

⁹⁹ Только после I, 336 P и M дают разные тексты.

¹⁰⁰ См., например, стихи, приписываемые Константину Манасси (XII в.) (E. Miller. *Annuaire de l'association pour encouragement des études grecques en France*, 1875), или стихотворение, обращенное к племяннику автора, приписываемое Спанеасу (XII в.), (E. Legrand. *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles*, vol. I, 1885), „Στίχοι ἀποσχεδίοι εἰς κοινὴν ἀκοήν“ Георгия Лапифиса (XIV в.) (PG, t. 149). Ср. также небольшое дидактическое стихотворение Фалиериса (XVI в.) (E. Legrand. *Bibliothèque grecque vulgaire*, 2, 1881) и др. Непосредственно подражал Сахликису М. Дефаранос (см. С. Д. Пападими триу. Ук. соч., стр. 227 сл.). К этому же жанру можно отнести такие анонимные произведения, как „Περὶ τῆς ξενιτείας“, „Περὶ γέροντος τὰ μὴν πάτρῃ κορίτσι“ и др.

¹⁰¹ Например, I, 33 сл.; 60—63; 110 сл., 129, 231—233 и др.

своих произведениях, Сахликис и здесь с горечью говорит о корыстолюбии и жажде наживы¹⁰², а его поучения являются не только плодом абстрактного морализирования, но и основаны на жизненном опыте автора¹⁰³. Характерными для формы „Советов“ являются уже отмечавшиеся нами часто встречающиеся у Сахликиса анафоры¹⁰⁴, сравнения¹⁰⁵, поговорочные выражения¹⁰⁶.

* * *

Хотя у Сахликиса нельзя встретить прямых упоминаний о каких-либо государственных, политических событиях, его произведения представляют собой интересную картину жизни острова Крита второй половины XV в. Исследователь истории Крита Е. Герлянд утверждает, что XV век — это век процветания и благосостояния острова¹⁰⁷. Произведения Сахликиса вносят некоторые коррективы в эту чересчур оптимистическую оценку, они свидетельствуют о том, что определенный экономический расцвет сопровождался большой имущественной дифференциацией и обеднением некоторых слоев общества, моральным упадком, корыстолюбием и коррупцией. Такую же картину рисуют документы венецианского архива, многие из которых могут служить хорошей иллюстрацией к стихотворениям Сахликиса. Сахликис неоднократно с сочувствием говорит о горестях и страданиях бедняков. О тяжелом положении неимущего населения Крита, особенно ухудшившемся в результате войны с турками 1463—1479 гг., свидетельствуют и документы. В речи перед венецианским правительством критских послов Матфея Мудатия и Николая Гримари¹⁰⁸ сообщается о том, что многие города разграблены, разрушены и лишены населения, земледелие находится в упадке (*peg-legitur et deseritur agricultura*), венецианцы облагают критское население тяжелыми налогами (*... cum gravissimis penis cogimur afferre illam quantitatem quam non excussimus a villanis*). Послы подчеркивают, что ограничение венецианцами свободы торговли отражается на бедных моряках (*pauperes marinarii*), добывающих себе пропитание перевозками товаров.

Судьба самого Сахликиса, о которой он рассказывает в „Странном рассказе“, является, по-видимому, весьма типичной для того времени: Сахликис продает доставшиеся ему от родителей дома и земли в погашение долгов ростовщикам. Материалы венецианского архива предоставляют в наше распоряжение многочисленные свидетельства того большого размаха, который приобрело ростовщичество в XV в.¹⁰⁹ В документе от 14 ноября 1415 г. говорится о гражданах, покинувших родину (*exu-*

¹⁰² Об азартных игроках Сахликис рассказывает: „Когда выигрывает игрок, многие водят с ним дружбу, а когда проигрывает, его оставляют и не вспоминают о нем“ (I, 154—155). О корыстолюбии гетер Сахликис говорит на протяжении всего третьего совета.

¹⁰³ Сахликис в молодости сам участвовал в ночных прогулках, от которых он предостерегает Фрациски (III, 67—69). Пострадал Сахликис и от гетер, о кознях которых он рассказывает Фрациски.

¹⁰⁴ Особенно много анафор в первом „Совете“: *τὴν νόχταν ἐπὶ περιπατεῖ... (58, 62, 72, 74) ἐπὶ γυρίσει σκοτεινά... (70, 106, 109, 111)*. См. также I, 65—67, 122—123 и др.

¹⁰⁵ См., например, образное сравнение азартного игрока с рыбой, попавшейся на крючок (I, 218—221).

¹⁰⁶ I, 8—21, 249, 290, 338 и др.

¹⁰⁷ E. Gerland. *Kreta als venetianische Kolonie (1204—1669)*. — „Historisches Jahrbuch“, Bd. 20, 1899, S. 1—24.

¹⁰⁸ H. Noiret. *Op. cit.*, p. 513.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 241—242, 493 и др.

les a patria), ставших беглецами и бродягами (*fugitivi et vagabundi*) из-за неуплаты долгов. Находят подтверждение также сообщения Сахликиса о коррупции чиновничества, в частности *advocatores communis*¹¹⁰. Мрачная картина, нарисованная Сахликисом, в какой-то степени результат позиции автора, брызжащего на мир неудачника. Тем не менее, как это следует из документов, Сахликис только сгущает краски, давая в целом реалистическое изображение жизни Крита своего времени.

Отмеченные нами особенности творчества поэта — грубая реалистичность, дидактико-сатирическая направленность, ироническое отношение к духовенству, использование народного языка и следование фольклорным традициям — сближают произведения Сахликиса с некоторыми произведениями европейской предренессансной литературы¹¹¹. „В Византии не было крепкого среднего городского сословия, в котором западная литература черпала свои силы“, — писал Дитрих¹¹². Думается, что для Крита XV в. роль „среднего городского сословия“ европейских стран играла прослойка купцов, торговцев, моряков и других городских жителей, число которых значительно возросло благодаря активной торговле Крита в XV в.¹¹³ Потребности этих слоев населения могли вызвать к жизни демократическое направление в критской литературе XVI—XVII вв., у истоков которого находится творчество Сахликиса, — направление, которое иногда называют критским Ренессансом.

¹¹⁰ Ср. выше, стр. 78—79.

¹¹¹ Р. Кантарелла (ук. соч., примеч. 22) правильно отмечал сходство „Странного рассказа“ с испанским плутовским романом, имея в виду такие черты этого жанра, как автобиографичность и бытописательный характер, натуралистичность и назидательность. Хронология (первый плутовской роман „Ласарильо“ появился в 1553 г.) исключает всякую мысль о прямом заимствовании. Произведения Сахликиса можно сопоставить также с откровенными, подчас циничными, стихами его современника, гениального Франсуа Вийона, а также со стихами предшественника Вийона—Рютбефа. И в данном случае речь должна идти, конечно, не о прямом влиянии, а о сходстве литературных явлений периода подготовки или раннего Ренессанса.

¹¹² К. Dietrich. *Op. cit.*, p. 30.

¹¹³ На Крите почти не было ремесленников — основного сословия городов средневековой Европы. В документах венецианского архива упоминаются только бочары, изготавлившие бочки для вин — одной из основных статей экспорта.